

Рецензируемая коллективная монография (сборник статей), подготовленная в рамках проекта «Historia Rossica», демонстрирует достижения и обозначает проблемы в области изучения имперского этапа региональной отечественной истории (1721–1917). В силу территориальной протяжённости российского государства, географических и природно-климатических условий, этнического и конфессионального состава населения, специфики социально-экономических процессов, влияния внешнеполитических обстоятельств необходимо учитывать фактор регионального измерения. По мнению А.В. Ремнёва (1955–2012), памяти которого посвящено издание, «с управленческой точки зрения Российская империя представляла сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объясняется именно с позиций поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных, управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на пути централизации и унификации управления (к чему оно, несомненно, стремилось), тем более теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на

быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы»¹.

Сравнительно недавно региональный аспект в контексте имперской истории начали разрабатывать в рамках журнального проекта «Ab Imperio» и книжного проекта «Окраины Российской империи». Применительно к Сибири отмечу издательскую серию «Азиатская Россия», инициатором и «генератором» которой является Л.М. Дамешек², а также сборники статей, посвящённые юбилеям Ремнёва³. Геополитический образ Сибири пытается воссоздать Е.А. Ерохина, по мнению которой повышение статуса внутренних регионов на международном политическом поле «актуализирует проблему изучения внутренних регионов, в том числе и микрорегионов России, таких как Юг, Кавказ, Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток, их влияние на мировую геополитическую ситуацию»⁴. Наконец, активно разрабатывают различные аспекты проблемы пространственного развития экономисты, рупором которых с 1993 г. является журнал «Регион: экономика и социология», издаваемый Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН. «Надо заметить, — подчеркнул один из авторов издания, — что Сибирь как российскую колонию следует отнести

* Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / Под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.; ил. (Серия Historia Rossica).

к категории Большой Сибири, а не Мега-Сибири. В этом качестве её роль выходит за её собственные границы, но локализуется в пределах России»⁵.

Всего в рассматриваемую монографию включено 13 текстов восьми отечественных, четырёх американских и одного литовского историков. Хронологически представленные публикации охватывают период с середины XVIII по начало XX в. Понятия «регион» и «окраина» здесь используются как синонимы. В частности, в аннотации Сибирь относится к категории первых, однако подчёркивается: «Среди рассмотренных регионов представлены как Центральная Россия, так и многочисленные окраины империи — Северо-Западный край, Кавказ, Область войска Донского, Оренбургский край и Дальний Восток». Сибири в этом перечне нет. Однако регионы необязательно могли быть окраинами. Можно ли, например, считать окраиной Оренбургский край? Да, применительно к XVIII — началу XIX в., нет — после присоединения северного Казахстана. К тому же в статье С.В. Любичанковского на примере трансформации Оренбургского генерал-губернаторства в губернию и, соответственно, утраты территориального образа края показано, как это выглядело на практике. Правда, не всегда происходила обозначенная утрата. Так, после образования в 1882 г. Степного генерал-губернаторства его синонимом стала выступать дефиниция «Степной край». Ситуацию с понятийным аппаратом усугубляет заявление Дж. Санборна о «территориях колоний, располагавшихся по краям империи к 1914 году»⁶. Соответственно, необходимо чётко разграничить понятия «регион», «окраина», «колония».

Во вводной статье В. Сандерленда, имеющей подзаголовок «Проблемы дефиниции», со ссылкой на На-

циональное географическое общество США повторяется определение, предложенное этой научной организацией: «Регион — это территория, обладающая некой внутренней связанностью, “естественной” (флора, фауна, климат) или “созданной человеком” (язык, религия, особенности управления)» (с. 7–8). При этом оговаривается, «что подобную установку едва ли можно считать окончательной» (с. 8). От себя Сандерленд добавляет такие важные элементы понятия «регион», как общая территория, национальный состав, изменение площади, отношения с другими территориями, временная эволюция (историчность). К ним можно присоединить введённое Ремнёвым понятие «имперской географии власти».

Представляется, что управленческий, территориально-административный сегмент в книге представлен слабо (А.Т. Урушадзе, А.А. Волвенко, С.В. Любичанковский). Но именно административное определение границ, а также наименования определяют пространственное «наполнение» региона, что видно на примере Сибири. Так, в 1803 г. образуется единое для региона от Урала до Тихого океана Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В 1822 г. по предложению М.М. Сперанского оно разделяется на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское.

В последней четверти XIX в. внутренняя политика самодержавия была направлена на ликвидацию особого статуса территории в системе имперского управления и самой дефиниции «Сибирь». В 1882 г. упраздняется Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а Омск становится административным центром Степного генерал-губернаторства в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. В 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство

переименовывается в Иркутское. Соответственно, образованный в 1865 г. Западно-Сибирский военный округ в 1882 г. преобразуется в Омский с включением в него Тобольской и Томской губерний, а также Степного генерал-губернаторства. Через два года (1884) Восточно-Сибирский военный округ разделили на Иркутский и Приамурский. Тогда же произошло административное обособление Дальнего Востока с учреждением Приамурского генерал-губернаторства.

Дальнейшее административно-территориальное районирование региона привело к образованию в 1903 г. Дальневосточного наместничества (1903–1905) в составе Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области. Центром новой структуры стал Порт-Артур – город, построенный на арендованной у соседнего государства земле. В советский период сохранилось деление на Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток.

Перекраивание сложившейся региональной структуры началось в 2000 г. в рамках централизации и концентрации власти в руках федерального центра посредством инициатив В.В. Путина. Важнейшим её элементом стало образование федеральных округов. Состав входящих в них образований (субъектов) не определяется их территориальным единством, экономическими связями, общей историей и т.д. В частности, Дальневосточный федеральный округ организован в составе территориально-административных единиц, ранее входивших в соответствующий экономический район с добавлением Республики Саха. В состав Сибирского федерального округа не включили Тюменскую обл., вошедшую в Уральский федеральный округ⁷. Затем в состав Дальневосточного округа, как территорию «опережающего развития», включили Забайкальский край и Республику Бу-

рятия. В результате в настоящее время территориально-административное и экономико-географическое деление сибирского региона не соответствует историко-культурным и экономико-географическим критериям и сильно напоминает ситуацию, сложившуюся в 1880-х гг.

Экономический блок рецензируемого издания ограничивается статьёй К. Пикеринг Антоновой, но она не имеет отношения к проблематике регионализма, поскольку во введении от имени авторского коллектива Сандерленд заявил: «Основным для нас был вопрос о том, когда регион становится регионом» (с. 18). В публикации же сопоставляются процессы протоиндустриализации в текстильном производстве в кластере Иваново-Тейково и в Великобритании.

В подборке статей применительно к разным регионам империи (О.Е. Глаголева, Е.М. Болтунова, А.А. Волвенко, С.В. Любичанковский) анализируется процесс формирования региональной идентичности. Вводимый в них фактический материал и сформулированные на его основе заключения позволяют составить представление о специфике инкорпорации отдельных социальных групп и территорий в империю в интервале от созыва Уложенной комиссии (1767) до начала XX в. Для меня особый интерес представляет раздел Болтуновой, где рассматривается, казалось бы, частный случай – встреча тела императора Александра I на пути от Таганрога до Петербурга в 1826 г. Организация мероприятия и участие в нём практически всех социальных групп территорий по маршруту передвижения кортежа позволили повторить внятный вывод о том, что «внутренние российские губернии достигли серьёзного единообразия в принципах организации социальной жизни и функционирования управленческой

системы» (с. 116). Кстати, по Сибири аналогичное заключение можно сделать относительно проезда цесаревича Николая Александровича в 1891 г. на лошадях от Владивостока до Томска и далее на пароходе по Оби и Иртышу до Омска.

В разделах В.В. Боярченкова и М.А. Содерстрома рассматривается зарождение федералистской концепции истории России и применение её элементов к отдельным регионам. Анализируя фундаментальное произведение П.А. Словцова (1767–1843) «Историческое обозрение Сибири», Содерстром квалифицирует его автора как предшественника сибирских областников, точку отсчёта для них (с. 119–120). Действительно, Пётр Андреевич, исследовав социально-экономическое и культурное развитие региона, предложил программу реформирования его внутренней жизни. Он выступал против уголовной ссылки (штрафной колонизации), настаивал на интенсивном изучении Азиатской России, ратовал за развитие просвещения и торговли, прозорливо предсказал организацию коммерческого судоходства по Северному морскому пути. Его творчество безусловно повлияло на формирование взглядов областников, идеологию движения⁸. Однако в работе содержится противоречие. По словам автора, с одной стороны, её герой позиционировал Сибирь «как особый регион в составе России» (с. 119), с другой, он «был для него воплощением империи» (с. 137).

Представляется, что вопрос о сочетании централизаторских и областнических компонентов в творчестве Словцова требует более тщательного изучения, хотя, скорее, знаменитый сибиряк не признавал Сибирь в качестве особой области и рассматривал её как естественное продолжение России. Кстати, точку зрения о крае как неотъемлемой части Российского

государства разделял его однокашник М.М. Сперанский. В письме к дочери от 5 сентября 1819 г. из Иркутска он восклицал: «Как велика земля русская! И здесь (в Сибири. — *М.Ш.*) те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи; те же почти и пороки, и добродетели. Сие единство почти непонятно. Во всех других государствах несравненно есть более разнообразия. Сие происходит, думаю, от того, что здешнее население есть смесь или произведение всех стран России»⁹.

Боярченков сопоставляет взгляды А.П. Шапова, Н.И. Костомарова и К.Н. Бестужева-Рюмина в парадигме «недолгого опыта осмысления прошлого России как истории составивших её частей» (с. 33). Автор выражается следующим образом: «Хотя в вопросе о происхождении и границах самих этих частей (России. — *М.Ш.*) между учёными были расхождения, характер связи между территориями все они были склонны именовать федеративными. Это повышенное сочувственное внимание к федерализму сближало их между собой и ставило особняком в глазах современников» (с. 32). По моему же мнению, по крайней мере, Шапов развил федералистские идеи Костомарова. Но основой федерализма последнего, как установил М.А. Рубач, «являлся не национальный момент отличия одной народности от другой, а местные, областные особенности одного и того же великороссийского народа, исторически сложившиеся в процессе колонизации в разнообразных географических и климатических условиях»¹⁰. Равно и федерализм Шапова основывался не на национальных различиях, а на особенностях природно-климатических условий существования одного народа, на процессе колонизации.

Боярченков вряд ли прав, утверждая, «что ни до, ни после федералистов

начала 1860-х гг. никто не пытался с такой решительностью противопоставить историю областей тому основополагающему взгляду, который готов отводить российским регионам лишь роль периферии, положение которой определяется в центре» (с. 33). В плане историописания это, может, и так, но в практической плоскости федералистские подходы Шапова несомненно оказали воздействие на формирование программы сибирских областников, в частности Г.Н. Потанина. В январе 1862 г. тот кратко и ёмко сформулировал идею не только специфики освоения региона, но и его перспектив: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, чего нам хочется, а не что прикажут из России; воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя». Тогда же он заявил, «что Сибирь — одна из резко отмежёванных провинций»¹¹. Федералистская основа областнических подходов к проблеме выбора оптимального варианта взаимоотношений региона и империи приняла сепаратистскую окраску в рукописной прокламации «Сибирским патриотам» (1863). Она заканчивалась призывом: «Да здравствует республика сибирских соединённых штатов!»¹².

Региональным аспектам развития юстиции посвятили свои разделы И.А. Попп и Е.А. Крестьянников. Я не стал бы «с ходу» отвергать «высказанные в современной историографии положения, согласно которым волостной суд стал “триумфом” имперского государства» (с. 222), как делает Попп, опираясь в основном на мнение отдельных губернаторов и практику функционирования рассматриваемого органа в горнозаводской Пермской губ. Учитывая её региональную специфику, представляется опрометчивым и проблематичным сформулировать общую характе-

ристику волостных судов. На примере повседневной деятельности сибирских окружных судов Крестьянников утверждает: «Мыслившийся столичными чиновниками универсальным, этот способ в Сибири отторгался расстояниями и не удовлетворял интересам автономной региональной юстиции» (с. 244). Автору лишь напомним сформулированный Ремнёвым вывод, воспроизведённый в начале рецензии, об утере государством гибкости и его неспособности эффективно и адекватно отвечать на вызовы модернизации. Таким образом, положительные элементы эволюции в региональных системах создавали новые проблемы.

В заключительной части рецензируемого издания Д. Сталюнас и С. Урбански анализируют положение диаспор в иноязычной среде. В первом случае речь идёт о территориально-административном образовании Северо-Западного края, каждая из этнических групп которого (поляки, литовцы, евреи) воспринимала регион как искусственное образование. Можно с этим согласиться, но, за исключением дисперсно рассеянных в границах черты оседлости евреев, остальные, включая белорусов, компактно проживали на территории края. Исследование Урбански посвящено выявлению общего и особенного в жизнедеятельности китайских диаспор во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре. При всей схожести их положения устанавливается специфика применительно к каждому из перечисленных приморских городов. Упоминая о «жёлтой опасности» на российском Дальнем Востоке в начале XX в., автор, по-моему, проигнорировал попытку включения Маньчжурии в сферу российских интересов (так называемый проект «Желтороссия»).

При всей эклектичности статей очередного тома проекта «Historia Rossica» и отсутствии чёткого опре-

деления изучаемой проблемы (что вообще характерно для коллективных монографий), следует положительно оценить предпринятую попытку обозначить основные направления изучения истории регионов. Собранные в томе публикации дают импульс для дальнейшего изучения различных аспектов проблемы.

Примечания

¹ Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 7.

² Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX — начало XX вв.). Иркутск, 2005; Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2008; Сибирь в империи — империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII — начале XX вв. Иркутск, 2013; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX вв. Учебное пособие. Иркутск, 2015; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017.

³ См.: Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнёва. Омск, 2005; Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск, 2016.

⁴ Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. С. 8.

⁵ Сулов В.И. Имиджи Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. 2014. № 1(81). С. 88.

⁶ Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021. С. 31.

⁷ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI — начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 176–177.

⁸ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 27.

⁹ Сперанский М.М. Письма к дочери. Новосибирск, 2002. С. 109.

¹⁰ Рубач М.А. Федералистские теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 2. М., 1930. С. 72.

¹¹ Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. С. 58–59.

¹² ГА РФ, ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 82.